

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.79.10> EDN: STHLDK**КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ В
РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Научная статья

Синь Л.¹, Чжан Х.²*^{1,2} Хэнаньский университет, Кайфэн, Китай

* Корреспондирующий автор (zhanghong75[at]mail.ru)

Предложена: 14.06.2026; Принята: 08.07.2026; Опубликовано: 09.07.2026

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному лингвокогнитивному и лингвокультурологическому анализу русских и китайских паремий, репрезентирующих понятие «одиночество». Материалом исследования послужили 40 русских и 30 китайских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных паремиологических словарей. С помощью тематической классификации, когнитивно-семантического и сопоставительного методов выявлены и систематизированы универсальные и культурно-специфические аспекты восприятия одиночества в двух лингвокультурах. В русских пословицах выделены тематические группы, отражающие безысходность и маргинализацию, борьбу за выживание, эмоциональную агонию, противопоставление одиночества и коллектива, зооморфные метафоры и диалектику свободы и цены одиночества. В китайских паремиях описаны группы, раскрывающие уязвимость одинокой личности, кризис выживания в старости, последствия утраты близких, социальную изоляцию, духовное одиночество и природные метафоры изолированного существования. Сравнительный анализ выявил как универсальные отрицательные оценки одиночества и значимость социальных связей, так и культурно-обусловленные различия: для китайской лингвокультуры характерны прагматизм, ритуальность и внимание к независимому духу, для русской — духовно-эмоциональная открытость, прямота оценок и ценности соборности.

Ключевые слова: когнитивная интерпретация, паремия, одиночество, тематическая классификация, языковое сознание.

**A COGNITIVE INTERPRETATION OF PAREMIOLOGICAL CONCEPTS OF LONELINESS IN RUSSIAN AND
CHINESE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS**

Research article

Xin L.¹, Zhang H.²*^{1,2} Henan University, Kaifeng, China

* Corresponding author (zhanghong75[at]mail.ru)

Suggested: 14.06.2026; Accepted: 08.07.2026; Published: 09.07.2026

Abstract

The article is devoted to a comparative linguocognitive and linguocultural analysis of Russian and Chinese proverbs representing the concept of "loneliness". The research material consisted of 40 Russian and 30 Chinese proverbs, selected using a comprehensive sampling method from authoritative paremiological dictionaries. Using thematic classification, cognitive-semantic and comparative methods, universal and culture-specific aspects of the perception of loneliness in the two linguistic and cultural contexts have been identified and systematised. In the Russian proverbs, thematic groups were identified that reflect hopelessness and marginalisation, the struggle for survival, emotional anguish, the contrast between solitude and the collective, zoomorphic metaphors, and the dialectic between freedom and the cost of solitude. In Chinese proverbs, groups are described that expose the vulnerability of the solitary individual, the crisis of survival in old age, the consequences of losing loved ones, social isolation, spiritual loneliness and natural metaphors for an isolated existence. A comparative analysis has identified both universal negative assessments of loneliness and the importance of social ties, as well as culturally conditioned differences: Chinese linguistic culture is characterised by pragmatism, ritualism and an emphasis on an independent spirit, and Russian linguistic culture is characterised by spiritual and emotional openness, directness of judgement and the value placed on collective unity.

Keywords: cognitive interpretation, proverb, loneliness, thematic classification, linguistic consciousness.

Введение

Паремия и, в частности, пословица представляют собой устойчивые фольклорные изречения, обладающие дидактическим потенциалом и отражающие коллективный опыт народа. В настоящей статье проводим исследование паремий (пословиц) русского и китайского языков, вербализующих понятие «одиночество» и выступающих как его культурно-языковые репрезентанты (лингвокультуремы). К.А. Кочнова определяет «одиночество» как социально-духовное явление, сущность которого заключается «в неудовлетворенности человека различного рода коммуникациями» [5]. Данное эмоциональное состояние, на наш взгляд, характеризуется переживанием изоляции,

отсутствием значимых связей, чувством отчужденности, эмоциональными страданиями (такими как тоска, печаль и др.) и практическими трудностями выживания.

Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым интересом к сравнительному анализу паремиологических фондов, который позволяет выявить семантическую общность при кажущемся различии, показать точки соприкосновения языков и культур [1, С. 270]. Изучение понятия «одиночество» как фрагмента языковой картины мира через призму паремий отвечает задачам лингвокультурологии, направленной на раскрытие «особенностей миропонимания и означивания фрагментов картины мира» [4, С. 16]. Как подчеркивают Е.И. Зиновьева и А.С. Алешин, структурно-семантические модели паремий «в какой-то мере отображают традиционные особенности национальных менталитетов» [3, С. 35], что делает их анализ ключевым для понимания культурно обусловленных различий в восприятии базовых концептов, таких как «одиночество». При этом русские пословицы, будучи «сложным логическим, семиотическим целым, обладающим лексико-семантическими и структурными закономерностями» [7, С. 5], требуют особого внимания к их семантической организации.

Методы и принципы исследования

Материалом исследования послужили паремии, отобранные из авторитетных словарей:

1) русские источники: «Большой словарь русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой [2], «Пословицы русского народа» под редакцией В.И. Даля [6];

2) китайские источники: «Большой словарь китайских пословиц» под редакцией Гэн Вэньхуэй [12], «Словарь китайских пословиц» под редакцией Хэ Му [13], «Словарь пословиц» под редакцией Лю Чжэньдуо [15], «Словарь современных китайских пословиц» под редакцией Вэнь Дуаньчжэна [16], «Словарь китайских пословиц» под редакцией Чжоу Цзинця [12].

Отметим, что использованные словари включают как паремии, зафиксированные в живой речи XIX–XXI вв., так и единицы, извлеченные из историко-этнографических источников. Специальная верификация актуального функционирования каждой единицы в современном языковом сознании в рамках данной работы не проводилась, что составляет одно из ограничений исследования и перспективу для дальнейшего корпусного или полевого анализа.

Методом сплошной выборки из указанных словарей отобрано 40 русских и 30 китайских паремий, эксплицитно или имплицитно репрезентирующих понятие «одиночество».

Сначала паремии отбирались по ключевым словам: один, одинокий, одиночество, холостой, бобыль, сирота, вдовец — для русского; 孤, 独, 单, 寡, 鳏 — для китайского, при этом исключались паремии, где одиночество лишь фоновое упоминание; оставались те, где оно является центральным понятием или метафорой. Далее были выделены повторяющиеся смысловые мотивы в каждом языке, затем они были обобщены в тематические группы. При пересечении мотивов паремия относилась к группе на основании доминирующего мотива. Мы осознаем, что такой подход не лишен субъективного начала, но полагаем, что погрешность в классификации может быть не очень велика.

В ходе работы также использовались традиционный описательно-аналитический метод, методы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа и сопоставительный метод. Методика проведенного нами исследования включает несколько этапов:

1) систематизацию единиц по тематическим группам, отражающим различные аспекты одиночества;

2) сравнительный анализ образных средств (метафоры, сравнения), структурных моделей и выражаемых ментальных установок в паремиях двух языков;

3) выявление культурно-обусловленных различий в репрезентации понятия «одиночество» как лингвокультуры.

Научная новизна заключается в комплексном лингвокогнитивном анализе паремий об одиночестве, объединяющем тематическую классификацию для выявления когнитивных категорий, сопоставление национальных универсалий и национальной специфики, где «разница в восприятии и характере метафорического переноса указывает на особенности национального осмысления внеязыковой реальности» [9, С. 179] и интерпретацию паремий как лингвокультурем, кодирующих культурные смыслы и ментальные установки, связанные с переживанием и оценкой одиночества, включая стереотипные представления, выявленные в русском языковом сознании [8, С. 96].

В данном исследовании интегрируются когнитивно-семантический и лингвокультурологический подходы, что позволяет раскрыть глубинные связи между языковым выражением, когнитивными структурами и культурными контекстами русской и китайской традиций.

В отличие от предшествующих работ, сосредоточенных преимущественно на лексикографическом описании или анализе одного языка, в настоящем исследовании впервые на материале русских и китайских паремий проводится целостное сопоставление когнитивных метафорических моделей и культурно детерминированных оценок одиночества, что позволяет эксплицировать национально-специфическое в универсальном переживании.

Основные результаты

В рамках данной работы под концептом понимается ментальная единица, аккумулирующая культурно значимые смыслы; фрейм трактуется как структура знания о типизированной ситуации (например, «одинокое существование»). Использование этих терминов носит операциональный характер, не претендует на исчерпывающее теоретическое обоснование. В понимании метафоры мы опирались на классическую работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона [12].

С лингвокогнитивной точки зрения данные русские и китайские пословицы могут быть классифицированы в тематические группы (далее — ТГ), в которых рассматриваются причины возникновения, проявления и лингвосоциокультурные метафоры одиночества в различных аспектах.

3.1. Интерпретация тематической классификации русских пословиц об одиночестве

ТГ №1. «Безысходность и маргинализация одиночества» репрезентирует состояние абсолютной социальной отверженности, акцентируя экзистенциальную пустоту. Например, пословица *Живет — не с кем покалякать, умрет — некому поплакать* [2, С. 350] обнажает тотальный дефицит социальных и эмоциональных связей, делящийся вплоть до биологической смерти; пословица *Ни роду, ни племени. Бобиль бобылем. Круглый сирота и сверху и снизу* [6, С. 315] описывает глубинное одиночество, порожденное разрывом родовых уз, где субъект оказывается экспропрированным из структуры родственных отношений; пословица *Бездетный умрет, и собака не возьмет (не вззоет)* [6, С. 315] указывает на состояние абсолютной маргинальности после смерти, подчеркивая лишение одинокого субъекта даже базового права на траурные обряды; пословица *Царь да нищий без товарищей* [6, С. 257] демонстрирует, что вне межличностных связей индивиды любого социального статуса (от монарха до бедняка) низвергаются в единую бездну экзистенциальной ничтожности. В совокупности эти пословицы передают онтологическую истину о том, что предельное одиночество подразумевает утрату смысла существования в условиях тотальной изоляции, превращают человека в тень, забытую миром.

ТГ №2. «Борьба за выживание в одиночестве» конкретно и детально изображает материальные трудности, с которыми сталкиваются одиноко проживающие люди — нехватку ресурсов, тяготы труда, отсутствие гарантий пропитания и тепла, — тем самым подчеркивая уязвимость одинокого человека. Например, пословица *Одиному — где хлеб, там и угол* [6, С. 315] отражает нестабильное, кочевое существование одинокого человека и хрупкость его базовых жизненных условий; пословица *Одному спать — и одеяльце не тепло* [6, С. 316] через бытовую деталь акцентирует физический дискомфорт, порождаемый одиночеством, метафорически передавая холод и уныние, не разделенные с кем-либо; пословицы *Живучи одной головкой, и обед варить нелево* и [6, С. 315] *Одному и у каши неспоро* [6, С. 257], используя базовую потребность в питании как точку входа, раскрывают прямое физиологическое воздействие одиночества, имплицитно указывая на трудности выживания, связанные с отсутствием кооперации. Можно полагать, что эти пословицы передают глубокую идею, что одиночество осмысливается как кризисное состояние на уровне выживания, преодолеть которое и обрести истинную защищенность и силу возможно лишь через интеграцию в коллектив.

ТГ №3. «Эмоциональная агония одиночества» не только фиксирует экзистенциальное состояние одиночества, но и глубоко исследуют сопутствующий ему психологический дискомфорт, акцентируя аффективное угнетение и ментальные страдания. Например, пословица *И в раю жить тошно одному* [6, С. 315], помещая муку одиночества в идеализированный контекст, демонстрирует, что жизнь, лишенная разделения, остается исполненной пустоты даже в наиболее благоприятных условиях; пословица *Лучше быть одинокой, чем вдвоём в одиночестве* [2, С. 622] вскрывает, что эмоциональное отчуждение в близких отношениях мучительнее физического уединения, утверждая подлинное одиночество не как физическую изоляцию, а как экзистенциальную пропасть при физической близости; пословица *Друг на друга гляючи, улыбнешься; на себя гляючи, только всплачешься* [6, С. 258] репрезентирует скорбь одинокой личности при саморефлексии, где углубление интроспекции лишь усугубляет чувство покинутости. В совокупности эти пословицы раскрывают глубинную истину, что одиночество функционирует как ментальная тюрьма, порождая духовное удушье в безмолвии и эмоциональный коллапс при самоанализе, в конечном итоге трансформируя аффективную сферу в непреодолимое бремя.

ТГ №4. «Оппозиция индивидуального одиночества и семьи/коллектива/сообщества» подчеркивает эффективность коллективной жизни в аграрном, трудовом и семейном контексте, противопоставляя ее ограниченности одинокого существования. Например, пословица *Семья воюет, а одинокий горюет* [6 С. 315] противопоставляет активность коллектива и пассивное страдание одинокого субъекта; пословица *Двое в поле воюют, а один и дома горюет* [6, С. 257] акцентирует контраст между коллективной действенностью и индивидуальной беспомощностью; пословица *Семьею и горох молотят* [6, С. 257] иллюстрирует, что даже незначительные задачи успешно решаются благодаря семейной кооперации; пословица *Две головни и в поле дымятся, а одна и в печи гаснет* [6, С. 257] демонстрирует, что коллектив сохраняет жизнеспособность даже в неблагоприятных условиях, тогда как одинокий субъект угасает, несмотря на преимущества. В аналогичных пословицах, таких как *Одна головня и в поле гаснет, а ворошок курится, и Одна головня и в поле гаснет, а две дымятся*, метафора «головни» (горючего материала) служит символическим обозначением силы единства.

Кроме того, пословицы противопоставляют холостую и семейную жизнь, подразумевая, что брак, несмотря на сложности, наполняет существование смыслом. Например, пословица *Холостой много думает, а женатый больше того* [6, С. 316] отмечает, что семейные обязательства порождают больше забот, но придают жизни ценность; пословица *Холостой — простой, женат — богат, а вдовец — что зяблец* [6, С. 316] указывает на то, что семья ассоциируется с благополучием, а ее утрата — с холодом и тоской. В пословицах *Холостому: ох-ох, а женатому: ай-ай!* [6, С. 316] и *Холостой охает, женатый ахает* [6, С. 316] звукоподражательные конструкции («ох-ох», «ай-ай») передают разницу между пустыми жалобами одинокого холостяка и шумной, но живой суетой семейного человека. Таким образом, данные пословицы формируют систему ценностей, согласно которой уязвимость одинокого человека компенсируется лишь через интеграцию в семью или коллектив, тогда как одиночество коррелирует с бессилием, бедностью и угасанием.

ТГ №5. «Зооморфные и отчуждающие метафоры одиночества» уподобляет одинокого человека низшим существам или нечеловеческим сущностям, беспристрастно вскрывает процесс дегуманизации и символического понижения статуса, присущий переживанию одиночества. Например, пословица *Одиночество — собачество* [2, С. 622], используя образ собаки, редуцирует одинокого субъекта до животного состояния, имплицитно лишая человеческого достоинства и автономии; пословица *Живет один, как бирюк* [6, С. 257], апеллируя к волчьей дикости и отчужденности, репрезентирует архаичную изолированность личности; пословица *Живет один, как божедом* [6, С. 257], уподобляя одинокого человека погребальному стражу (архаичная профессия, связанная со смертью), символизирует экзистенциальную сепарацию от мира живых; пословица *Холостой — полчеловека* [6, С. 316]

декларирует антропологическую неполноценность одинокого субъекта, отрицая целостность его личности. Совокупно эти метафоры конструируют дискурсивную модель: одиночество репрезентируется как регресс человеческой сущности, отчуждающий эмоционального субъекта от социальных связей и трансформирующий его в чужое существо с ущербной человеческой природой.

ТГ №6. «Диалектика одиночества: Свобода и цена» раскрывают в одиночестве потенциальную свободу наряду с признанием его негативных аспектов. Рассмотрим примеры: пословица *Жутко одиночке жить, а все не коли тужить* [2, С. 622] акцентирует эмоциональное освобождение, присущее одиночеству — отсутствие необходимости соперничать друг с другом; пословица *Одна голова не бедна, а и бедна, да одна* [6, С. 315] проследивается диалектика экономической уязвимости и личной свободы: сохраняя автономию, одинокий человек самостоятельно несет бремя трудностей; пословица *Холостой лег — свернулся, встал — встряхнулся* [6, С. 316] через описание движений перехватывает непринужденность бытия, свободного от социальных условностей; пословица *Плохой товарищ пуце одиночки* [6, С. 257] обнажает истошающий характер негативного общения, косвенно утверждая ценность уединения; пословица *Мотоват, да не женат, одному себе внаклад* [6, С. 315] демонстрирует парадокс экономической свободы: бесконтрольность влечет личную ответственность за последствия. В целом эти высказывания формируют диалектическую рефлексию — одиночество репрезентирует не только отсутствие социальных связей, но и защиту собственной границы; оно лишает чувства принадлежности, но в то же время открывает перед одиноким субъектом возможность быть свободным от всяких обременений.

Выделенные тематические группы вместе конституируют многомерное осмысление феномена одиночества в русской лингвокультуре: оно репрезентируется и как разрыв социальных связей с сопутствующей экзистенциальной отчужденностью, порождающей дихотомию материальных и духовных лишений (ТГ №1-2), и как состояние, содержащее потенциал индивидуальной свободы одинокого субъекта (ТГ №6). Данное диалектическое познание отражает уникальное сочетание в русском национальном менталитете: глубинную рефлексию страданий (ТГ №3) и прагматическую жизненную мудрость (ТГ №5). Посредством лаконичности фольклорного дискурса эти пословицы преобразуют универсальный человеческий опыт в систему насыщенных культурных символов, выполняя одновременно функцию предостережения для одиноких субъектов и признания ценности коллективного бытия (ТГ №4).

Количественное распределение русских пословиц по тематическим группам: из 40 русских пословиц к ТГ №1 отнесено 8 единиц (20%), к ТГ №2 — 7 (17,5%), к ТГ №3 — 6 (15%), к ТГ №4 — 9 (22,5%), к ТГ №5 — 5 (12,5%), к ТГ №6 — 5 (12,5%).

3.2. Интерпретация тематической классификации китайских пословиц об одиночестве

Представление одиночества в китайских пословицах может быть структурирована по следующим взаимосвязанным тематическим группам.

ТГ №1. «Уязвимость одинокой личности в сравнении с силой группы» подчеркивает необходимость коллективного взаимодействия, противопоставляя бессилие изолированного индивида стойкости сплоченной группы и тем самым раскрывая отношения социальной взаимозависимости. Например, пословица *Одно волокно — не нитка, одно дерево — не роща* (单丝不成线, 独木不成林) (здесь и далее русский перевод авторов с китайского языка) [13, С.182] использует природные образы как метафору ограниченности индивида; пословица *Одна стена не остановит ветер с восьми сторон* (一堵墙难挡八面风) [12, С. 1269] посредством количественного контраста означает, что изолированный субъект (стена) не способен противостоять многочисленным вызовам (ветер), символизируя беспомощность одинокого субъекта перед лицом сложных испытаний. Аналогичные пословицы, такие как *Одна пчела мед не сделает, один дракон воду не усмирит* (单蜂酿不成蜜, 独龙治不了水) [12, С. 270], дополнительно иллюстрируют, что выполнение сложных задач требует коллективных усилий. Пословица *Одним бревном небо не подпереть* (一根木头支不了天) [12, С. 826], используя гиперболическую метафору, указывает на неспособность индивида единолично нести масштабную ответственность. В совокупности эти пословицы формируют когнитивный фрейм: субъект, отделенный от группы, сталкивается с фундаментальными трудностями как в выживании, так и в осуществлении действий.

ТГ №2. «Кризис выживания как следствие одиночества в старости» фокусируется на двойном давлении физиологического старения и отсутствия социальной поддержки, раскрывая характерные для преклонного возраста одиночество и беспомощность. Например, пословица *Девять сыновей, двадцать три внука — сам копаешь себе могилу* (九子廿三孙, 独自造孤坟) [12, С. 115] ироническим приемом обнажает реальность, при которой многочисленное потомство не гарантирует обеспеченной старости; пословица *Ростки боятся осеннего ветра, человек боится старости в бедности* (苗怕寒露风, 人怕老来穷) [13, С. 762] прямо указывает на то, что экономические трудности усугубляют уязвимость пожилых людей; пословица *Одно полено не горит, одинокому человеку не выжить* (孤柴难烧, 孤人难熬) [14, С. 81] уподобляет одиночество топливу, не способному к устойчивому горению, визуализируя тем самым трудности выживания; пословица *Нет сладости слаще молодоженов, нет горечи горше старых вдов* (甜不过少年夫妻, 苦不过鳏寡老人) [12, С. 949], контрастируя со сладостью молодой семейной пары, усиливает трагизм положения пожилых вдовцов и вдов. В целом эти пословицы раскрывают, что одиночество в старости представляет собой не только эмоциональный дефицит, но и исчерпание ресурсов выживания.

ТГ №3. «Одиночество как следствие утраты близких и разрыва семейных уз» концентрируется на фундаментальной психологической травме, вызванной разрывом кровных или брачных связей, с особым акцентом на утрату ключевых родственных отношений, таких как потеря матери или супруга. Например, пословица *Рис боится засухи, сын боится смерти матери* (稻怕干浆, 儿怕死娘) [12, С. 1232] уподобляет горечь утраты матери увяданию

посево́в, подразумева́я прерыва́ние жизнедеяте́льной преемственности; пословица *Кто выпьет три ведра уксуса, сможет быть вдовой* (呷得三斗醋, 做得孤孀妇) [12, С. 1152] использует экстремальное вкусовое ощущение (кислота-горечь) для количественного выражения предела терпения, необходимого вдове. Пословицы, такие как *Три непростительных греха: бездетность — худший; четыре беды: вдовец страшнее всех* (三不孝, 无后为先; 四无告, 鳏夫独苦) [13, С. 438] и *Вдовец боится Нового года, вдова — дня поминовения* (寡佬怕新正, 寡婆怕行青) [13, С. 1210], дополнительно указывают на то, что вдовцы и вдовы испытывают более глубокое одиночество в контексте конфуцианской этики и социальных ритуалов (например, праздников, поминальных обрядов). В совокупности эти пословичные выражения демонстрируют, что разрыв семейных уз представляет собой не только эмоциональный удар, но и дезинтеграцию социального статуса.

ТГ №4. «Социальное одиночество: изоляция и маргинализация» рассматривает одиночество, вызванное исключением из сообщества или отсутствием чувства принадлежности, охватывая спектр состояний от повседневного уединения до полной беспомощности. Например, пословица *При тусклом свете вспоминаешь прошлое, крик отставшего гуся тревожит сон* (寒灯思旧事, 断雁惊愁眠) [12, С. 1150], используя образы ночного светильника и крика гуся, изображает повышенную чувствительность одинокого человека к внешним раздражителям; пословица *Кричи небу — не ответит, зови землю — не поможет* (叫天天不应, 叫地地不灵) [13, С. 470] метафорически передает состояние абсолютной изоляции через образ космического отсутствия отклика; пословица *Человек боится всеобщей неприязни, мясо боится, когда все его ковыряют* (人怕众嫌, 肉怕众拣) [13, С. 405] прямо указывает на разрушительную силу коллективного отвержения; пословица *Без рода — одиночество, без родни — сирота* («没有家族是孤独, 没有亲戚是寡人») [16, С. 153] раскрывает зависимость индивида от сети кровного родства в родовом обществе. Таким образом, эти пословицы демонстрируют, что одиночество представляет собой не только индивидуальное психоэмоциональное состояние, но и последствие социальной изоляции, следующей за разрывом социальных связей.

ТГ №5. «Духовное одиночество: когнитивный разрыв и сознательный выбор», в отличие от вынужденно переживаемого одиночества, фокусируется на изоляции, вызванной различиями в мышлении или ценностных ориентациях, а также включает одиночество, сознательно избираемое во имя сохранения достоинства. Например, пословица *Высокий ум не вписывается в расчеты обывателей* (才高难入俗人机) [14, С. 16] прямо констатирует пропасть между мудрецом и толпой; пословица *Лучше быть одиноким фениксом, чем парой фениксов* (宁做孤凰, 不为双凤) [13, С. 320], используя символ мифологического существа (феникс), выражает отказ человека высоких моральных принципов от компромисса. Примечательно, что пословица *Замерзший ценит тепло юрты, одинокий знает силу любви* (挨冻的人才知道帐篷的温暖, 孤独的人才知道爱情的力量) [15, С. 986], опираясь на диалектическую логику, представляет одиночество как необходимый путь к постижению ценности человеческих чувств. Нужно отметить, что эти выражения формируют элитарное или идеалистическое понимание одиночества, т.е. оно может проистекать из духовного превосходства над посредственностью.

ТГ №6. «Природные метафоры изолированной личности» раскрывает дилемму одиночества в человеческом обществе через экологические закономерности природного мира, используя конкретные образы экосистем или физических явлений для демонстрации уязвимости существования изолированного индивида. Например, пословица *Лютый иней бьет по траве с одним корнем, наводнение смыкает мост на единственной опоре* (寒霜打死孤根草, 洪水冲垮独木桥) [13, С. 148], апеллируя к закону естественного отбора, подразумевает, что наименее защищенные страдают первыми; пословица *Одинокая травинка быстро засохнет, одна капля воды испарится* (一棵草易凋, 一滴水易干) [12, С. 534] через микроскопические образы подчеркивает неустойчивость изолированного существования; пословица *На одинокой вершине путник не заночует, у крутого берега лодка не пристанет* (孤峰无宿客, 滩峻不留船) [13, С. 136] использует враждебную природную среду как символ трудностей выживания, где субъект не только лишен поддержки, но и сталкивается с отказом в принятии. Данный тип пословиц проецирует человеческое состояние одиночества на природный мир, укрепляя глубинный когнитивный постулат: «одиночество вне группы противоречит фундаментальным законам существования».

Данные пословицы деконструируют когнитивную семантику понятия «одиночество» с различных ракурсов. Они содержат как рациональное осознание зависимости от группы (ТГ № 1), так и эмоциональное описание конкретных трудностей, связанных со старостью и утратой близких (ТГ №2-3); охватывают жестокость социальной изоляции (ТГ №4) и раскрывают сложность духовного отчуждения (ТГ №5), чтобы в итоге, через природные метафоры (ТГ №6), возвести анализ к самой сути существования. Такая классификация не только отражает многомерную интерпретацию одиночества в китайском языке, но и выявляет глубинное напряжение во взаимоотношениях субъекта и группы в китайской лингвокультуре.

Среди 30 китайских пословиц мы получили следующее количественное распределение: ТГ №1 — 7 (23,3%), ТГ №2 — 5 (16,7%), ТГ №3 — 5 (16,7%), ТГ №4 — 6 (20%), ТГ №5 — 3 (10%), ТГ №6 — 4 (13,3%)

3.3. Выявление общих ментальных представлений в паремиях двух языков

В китайских и русских пословицах наблюдается высокая степень единообразия в отрицательном восприятии и оценке понятия «одиночество», что отражает универсальную для человеческого общества значимость взаимоотношений индивида и коллектива, а также потенциальную тревогу перед лицом изоляции личности от социальных связей. Конкретно это проявляется в следующих аспектах.

Обе культуры в пословицах подчеркивают необходимость коллективной силы и совместных усилий, противопоставляя бессилие изолированного индивида и стойкость сплоченной группы, тем самым выявлена взаимозависимость в обществе. Например, китайская поговорка *Одно волокно — не нитка, одно дерево — не роца* (单丝不成线, 独木不成林) [12, С. 182] и русская пословица *Одна головня и в поле гаснет, а две дымятся* [6, С. 315] через природные образы акцентируют ограниченность индивидуальных возможностей и преимущество коллективных действий. Данная общность отражает зависимость аграрного общества от сотрудничества и повсеместное присутствие коллективистских ценностей.

В китайских и русских пословицах одинаково уделяется внимание одиночеству в старости, раскрывая двойное бремя физического увядания и отсутствия социальной поддержки. Китайская поговорка *Ростки боятся осеннего ветра, человек боится старости в бедности* (苗怕寒露风, 人怕老来穷) [14, С. 762] и русская пословица *Бездетный умрет, и собака не возьмет (не взвоет)* [14, С. 762] отражают тревогу о трудностях выживания в преклонном возрасте и ожидание семейной опоры. Это свидетельствует о традиционных культурных представлениях о почитании старших и обеспечении их в старости.

Китайские и русские пословицы единодушно подчеркивают важность семейных уз, особенно акцентируя травму, вызванную утратой ключевых родственных связей — таких как потеря матери или супруга. Китайская поговорка *Рис боится засухи, сын боится смерти матери* (稻怕干浆, 儿怕死娘) [12, С. 1232] и русская пословица *Живет — не с кем покалякать, умрет — некому поплакать* [6, С. 350] передают горечь от утраты родственной близости и тоску по семейному теплу. Это демонстрирует ключевую роль семьи как эмоциональной опоры и источника социальной поддержки для личности.

Китайские и русские пословицы одинаково раскрывают жестокость социального отчуждения, подчеркивая одиночество, вызванное изгнанием из сообщества или отсутствием принадлежности. Китайская поговорка *Человек боится всеобщей неприязни, мясо боится, когда все его ковыряют* (人怕众嫌, 肉怕众拣) [13, С. 405] и русская пословица *Царь да нищий без товарищей* [6, С. 257] показывают, что вне зависимости от социального статуса, лишенный человеческих связей человек неизбежно погружается в одиночество. Таким образом, можно отметить принципиальную важность социальных отношений для выживания и благополучия личности.

3.4. Сравнительный анализ национально-обусловленных различий в двух лингвокультурах

Несмотря на наличие сходства, в китайских и русских пословицах об одиночестве также выявлена национальная специфика, что отражает различия в описании одиночества в старости, в трактовке семейных уз, в выборе метафорических образов и в оценке холостого состояния.

В китайских пословицах старость чаще связывается с экономическими трудностями и тем, что многодетность не гарантирует поддержки в старости, делается акцент на отсутствии материальной обеспеченности и скрытой тревоге о традиционной семейной структуре. Русские пословицы чаще фокусируются на отсутствии посмертных почестей, подчеркивая эмоциональное одиночество и ощущение экзистенциальной пустоты. Это может отражать большее внимание китайского лингвокультурного общества к прагматизму, тогда как русская лингвокультура придает большее значение духовному утешению.

В китайских пословицах важность семейных связей чаще увязывается с конфуцианской этикой и социальными ритуалами, такими как поминальные обряды и праздники. В русских пословицах упор делается на борьбу за выживание и эмоциональное отчаяние, вызванные утратой семейной поддержки. Это может свидетельствовать о том, что китайская лингвокультура больше ценит социальную функцию семьи, тогда как русская лингвокультура делает акцент на ее эмоциональной значимости как источника душевного тепла.

При описании социального одиночества китайские пословицы склонны использовать природные образы для создания эмоционального фона, например, «одинокая вершина», «травка с одним корнем», «мост на единственной опоре», «одна капля», «тусклый свет», «крутой берег» и др. Эти образы символизируют состояние и душевный настрой одинокого человека, создавая атмосферу увядания, заброшенности и бесприютности. Показывая одиночество на фоне безграничной природы, пословицы подчеркивают слияние чувства и пейзажа, намекая на изоляцию индивида в социуме. В то же время русские пословицы чаще прибегают к овеещающим метафорам, преобразующим одинокого человека в объект. Особенно характерны сравнения с животными («одиноким волк», «собака») или нечеловеческими сущностями («могильный страж», «полчеловека»). Такие образы акцентируют отчуждение личности, раскрывая утрату человеческого достоинства и социального статуса. Эти метафоры более прямолинейны, эмоционально насыщены и ярче показывают маргинальное положение одинокого субъекта в системе социальных связей. Данный контраст отражает различие в способах выражения эмоций и познания мира: китайской традиции свойственна сдержанность и внимание к созданию художественного настроения, тогда как русской — прямота и стремление к обнажению реальности и правды.

Китайские пословицы редко дают прямую оценку статусу холостяка, чаще акцентируя одиночество после потери супруга. В то время как в русских пословицах содержится множество прямых негативных характеристик безбрачия, например, *Холостой — полчеловека*, подчеркивая ущербность человеческой природы вне семейного состояния. К тому же заметный контраст одинокого и семейного статусов намекает на сложную, но наполненную смыслом жизнь в браке, что отсутствует в китайских аналогах.

Также в китайских пословицах встречается концепция сознательно избранного одиночества ради достоинства, например, *Лучше быть одиноким фениксом, чем парой фениксов*. Это, вероятно, отражает характерное для китайской культуры уважение к индивидуальной самоценности и независимому духу и традиционное стремление преодолеть посредственность, тогда как русская традиция фокусируется на соборности и приоритете общинных ценностей.

Заключение

В результате проведенного сопоставительного лингвокогнитивного анализа русских и китайских пословиц об одиночестве выявлены как универсальные сходства, так и культурно-обусловленные различия в восприятии исследуемого понятия. Сходства раскрывают универсальную для каждого лингвокультурного сообщества потребность в социальных связях и поддержке, тогда как различия воплощают глубинные особенности менталитетов: китайской традиции свойственны прагматизм, внимание к ритуалам, сдержанность в выражении эмоций через настроение и уважение к независимому духу; русская традиция концентрируется на духовном измерении, эмоциональной открытости, прямолинейности и ценности соборности.

Перспектива исследования видится в анализе других лингвокультурем об одиночестве, что позволит сделать более полную интерпретацию его когнитивного измерения. Выявленные в данном исследовании межкультурные когнитивные различия создают методологическую основу для углубленного кодирования универсального человеческого опыта и уникальных культурных ценностей в процессе осмыслении паремиологической репрезентации других эмоциональных понятий (таких как печаль, радость).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бредис М.А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М.А. Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — № 2. — С. 265–284.
2. Большой словарь русских пословиц / отв. ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
3. Зиновьева Е.И. Пословицы о любви со сравнительной семантикой в русском и шведском языках в аспекте лингвокультурологии / Е.И. Зиновьева, А.С. Алешин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. — 2022. — № 2. — С. 31–37.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография / М.Л. Ковшова. — Москва : Ленанд, 2019. — 400 с.
5. Кочнова К.А. Семантика «одиночество» в русской языковой картине мира / К.А. Кочнова // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 2. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/63096> (дата обращения: 22.07.2025).
6. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. / отв. ред. В.И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 1: 431 с. ; Т. 2: 447 с.
7. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. — Санкт-Петербург : МИРС, 2009. — 270 с.
8. Синь Лумин. Лингвокогнитивное моделирование ассоциативно-вербального поля «одиночество» / Синь Лумин // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1–2 (57). — С. 96–99.
9. Чжан Хун. Национально-культурные коннотации отзоонимных прилагательных, метафорически характеризующих глаза человека в русском и китайском языках / Чжан Хун // Культура и текст. — 2022. — № 3 (50). — С. 178–187.
10. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. — Westport : Greenwood Press, 2004. — 304 p.
11. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 256 p.
12. 耿文辉. 中华谚语大辞典 / 耿文辉. — 沈阳 : 辽宁人民出版社, 1991. — 1504 页.
13. 禾木. 中华谚语词典 / 禾木. — 上海 : 上海人民出版社, 2004. — 701 页.
14. 周静琪. 汉语谚语词典 / 周静琪. — 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2006. — 1699 页.
15. 刘振铎. 谚语词典 / 刘振铎. — 长春 : 北方妇女儿童出版社, 2002. — 1255 页.
16. 温端政. 现代汉语谚语词典 / 温端政. — 上海 : 上海辞书出版社, 2009. — 323 页.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bredis M.A. Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential [Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential] / M.A. Bredis, M.S. Dimoglo, O.V. Lomakina // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]. — 2020. — № 2. — P. 265–284. [in Russian]
2. Bol'shoj slovar' russkih poslovic [Large Dictionary of Russian Proverbs] / ed. by V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva. — Moscow : OLMA Media Group, 2010. — 1024 p. [in Russian]

3. Zinov'eva E.I. Poslovcy o ljubvi so sravnitel'noj semantikoj v russkom i shvedskom jazykah v aspekte lingvokul'turologii [Proverbs about love with comparative semantics in Russian and Swedish in the linguocultural aspect] / E.I. Zinov'eva, A.S. Aleshin // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. — 2022. — № 2. — P. 31–37. [in Russian]
4. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok. Antroponimicheskij kod kul'tury [Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. Anthroponymic code of culture] : monograph / M.L. Kovshova. — Moscow : Lenand, 2019. — 400 p. [in Russian]
5. Kochnova K.A. Semantema «odinochestvo» v russkoj jazykovej kartine mira [The semanteme "loneliness" in the Russian linguistic picture of the world] / K.A. Kochnova // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii [Modern Scientific Research and Innovations]. — 2016. — № 2. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/63096> (accessed: 22.07.2025). [in Russian]
6. Poslovcy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people] : collection : in 2 vols. / edited by V.I. Dal. — Moscow : Fiction Literature, 1989. — Vol. 1: 431 p. ; Vol. 2: 447 p. [in Russian]
7. Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovcy: postojanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability] / E.I. Seliverstova. — Saint Petersburg : MIRS, 2009. — 270 p. [in Russian]
8. Xin Lumin. Lingvokognitivnoe modelirovanie asociativno-verbal'nogo polja "odinochestvo" [Linguocognitive modeling of the associative-verbal field "loneliness"] / Xin Lumin // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive Studies of Language]. — 2024. — № 1–2 (57). — P. 96–99. [in Russian]
9. Zhang Hun. Nacional'no-kul'turnye konnotacii otzoonimnyh prilagatel'nyh, metaforicheski harakterizujushih glaza cheloveka v russkom i kitajskom jazykah [National-cultural connotations of zoonymic adjectives metaphorically characterizing human eyes in Russian and Chinese] / Zhang Hun // Kul'tura i tekst [Culture and Text]. — 2022. — № 3 (50). — P. 178–187. [in Russian]
10. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. — Westport : Greenwood Press, 2004. — 304 p.
11. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 256 p.
12. Geng Wenhui. Zhonghua yanyu dacidian [Great dictionary of Chinese proverbs] / Geng Wenhui. — Shenyang : Liaoning People's Publishing House, 1991. — 1504 p. [in Chinese]
13. He Mu. Zhonghua yanyu cidian [Dictionary of Chinese proverbs] / He Mu. — Shanghai : Shanghai People's Publishing House, 2004. — 701 p. [in Chinese]
14. Zhou Jingqi. Hanyu yanyu cidian [Dictionary of Chinese proverbs] / Zhou Jingqi. — Beijing : Commercial Press International Ltd., 2006. — 1699 p. [in Chinese]
15. Liu Zhenduo. Yanyu cidian [Dictionary of proverbs] / Liu Zhenduo. — Changchun : Northern Women and Children's Publishing House, 2002. — 1255 p. [in Chinese]
16. Wen Duanzheng. Xiandai hanyu yanyu cidian [Dictionary of modern Chinese proverbs] / Wen Duanzheng. — Shanghai : Shanghai Lexicographical Publishing House, 2009. — 323 p. [in Chinese]